

Николай Палкин. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Николай Палкин. Лев Николаевич Толстой

Мы ночевали у 95-летнего солдата. Он служил при Александре I и Николае. - Что, умереть хочешь? - Умереть? Еще как хочу. Прежде боялся, а теперь об одном Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привел Бог. А то грехов много. - Какие же грехи? - Как какие? Ведь я когда служил? При Николае; тогда разве такая, как нынче, служба была! Тогда что было? У! Вспоминать, так ужас берет. Я еще Александра застал. Александра того хвалили солдаты, говорили - милостив был. Я вспомнил последние времена царствования Александра, когда из 100 - 20 человек забивали насмерть. Хорош же был Николай, когда в сравнении с ним Николай казался милостивым. - А мне довелось при Николае служить, - сказал старик. - И тот час же оживился и стал рассказывать. - Тогда что было, - заговорил он. - Тогда на 50 палок и порток не снимали; а 150, 200, 300... насмерть запарывали. Говорил он и с отвращением, и с ужасом, и не без гордости о прежнем молодечестве. - А уж палками - недели не проходило, чтобы не забивали насмерть человека или двух из полка. Нынче уж и не знают, что такое палки, а тогда это словечко со рта не сходило. Палки, палки!.. У нас и солдаты Николая Палкиным прозвали. Николай Павлыч, а они говорят Николай Палкин. Так и пошло ему прозвище. - Так вот, как вспомнишь про то время, - продолжал старик, - да век-то отжил - помирать надо, как вспомнишь, так и жутко станет. Много греха на душу принято. Дело подначальное было. Тебе всыпят 150 палок за солдата (отставной солдат был унтер-офицер и фельдфебель, теперь кандидат), а ты ему 200. У тебя не заживет от того, а ты его мучаешь - вот и грех. - Унтер-офицера до смерти убивали солдат молодых. Прикладом или кулаком свиснет в какое место нужное: в грудь, или голову, он и помрет. И никогда взыску не было. Помрет от убоя, а начальство пишет: "Властию Божиею помре". И крышка. А тогда разве понимал это? Только об себе думаешь. А теперь только ворочаешься на печке, ночь не спится, все тебе думается, все представляется. Хорошо, как успеешь причаститься по закону христианскому, да простится тебе, а то ужас берет. Как вспомнишь все, что сам терпел да от тебя терпели, так и аду не надо, хуже аду всякого... Я живо представил себе то, что должно вспоминаться в его старческом одиночестве этому умирающему человеку, и мне вчуже стало жутко. Я вспомнил про те ужасы, кроме палок, в которых он должен был принимать участие. Про загоняние насмерть сквозь строй, про расстреливанье, про убийства и грабежи городов и деревень на войне (он участвовал в польской войне), и я стал спрашивать его про это. Я спросил его про гоняние сквозь строй. Он рассказал подробно про это ужасное дело. Как ведут человека, привязанного к ружьям и между поставленными улицей солдатами с шпирнутенами палками, как все бьют, а позади солдат ходят офицеры и покрикивают: "Бей больней!" - "Бей больней!" - прокричал старик начальническим голосом, очевидно не без удовольствия вспоминая и передавая этот молодецки-начальнический тон. Он рассказал все подробности без всякого раскаяния, как бы он рассказывал о том, как бьют быков и свежуют говядину. Он рассказал о том, как водят несчастного взад и вперед между рядами, как тянется и падает забиваемый человек на штыки, как сначала видны кровяные рубцы, как они перекрещиваются, как понемногу рубцы сливаются, выступает и брызжет кровь, как клочьями летит окровавленное мясо, как оголяются кости, как сначала еще кричит несчастный и как потом только охает глухо с каждым шагом и с каждым ударом, как потом затихает и как доктор, для этого приставленный, подходит и щупает пульс, оглядывает и решает, можно ли еще бить человека или надо погодить и отложить до другого раза, когда заживет, чтобы можно было начать мучение сначала и добавить то количество ударов, которое какие-то звери, с Палкиным во главе, решили, что надо дать ему. Доктор употребляет свое знание на то, чтобы человек не умер прежде, чем не вынесет все те мучения, которые может вынести его тело. Рассказывал солдат после, как после того, как он не может больше ходить, несчастного кладут на шинель ничком и с кровяной подушкой во всю спину несут в госпиталь вылечиваться с тем, чтобы, когда он вылечится, добавить ему ту тысячу или две палок, которые он недополучил и не вынес сразу. Рассказывал, как они просят смерти и им не дают ее сразу, а вылечивают и бьют другой, иногда третий раз. И он живет и лечится в госпитале, ожидая новых мучений, которые доведут его до смерти. И его ведут во второй или третий раз и тогда уже добивают насмерть. И все это за то, что человек или бежит от палок, или имел мужество и самоотвержение жаловаться за своих товарищей на то, что их дурно кормят, а начальство крадет их паек. Он рассказывал все это, и когда я старался вызвать его раскаяние при этом воспоминании, он сначала удивился, а потом как будто испугался. - Нет, - говорит, - это что ж, это по суду. В этом разве я причинен?

Николай Палкин. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Это по суду, по закону. То же спокойствие и отсутствие раскаяния было у него и по отношению к военным ужасам, в которых он участвовал и которых он много видел и в Турции и в Польше. Он рассказал об убитых детях, о смерти голодом и холодом пленных, об убийстве штыком молодого мальчика-поляка, прижавшегося к дереву. И когда я спросил его, не мучают ли совесть его и эти поступки, он уже совсем не понял меня. Это на войне, по закону, за царя и отечество. Это дела, по его понятию, не только не дурные, но такие, которые он считает доблестными, добродетельными, искупающими его грехи. То, что он разорял, губил неповинных ничем детей и женщин, убивал пулей и штыком людей, то, что сам засекал, стоя в строю, насмерть людей и таскал их в госпиталь и опять назад на мученье, это все не мучает его, это все как будто не его дела. Это все делал как будто не он, а кто-то другой. Есть у него кое-какие грешки личные, когда он без того, что он называет законом, бил и мучал людей, и эти мучают его, и для искупления от них он уж много раз причащался и еще надеется причастится перед самой смертью, рассчитывая на то, что это загладит мучающие его совесть грехи. Но он все-таки мучается, и картины ужасов прошедшего не покидают его. Что бы было с этим стариком, если бы он понял то, что так должно бы быть ясно ему, стоящему на пороге смерти, что между всеми делами его жизни, теми, которые он называет: по закону, и всеми другими нет никакого различия, что все дела его те, которые он мог сделать и не сделать (а бить и не бить, убивать и не убивать людей всегда было в его власти), что все дела его – его дело, что как теперь, накануне его смерти, нет и не может быть никакого посредника между ним и Богом, так и не было и не могло быть и в ту минуту, когда его заставляли мучать и убивать людей. Чтоб с ним было, если б он понял теперь, что не должен был бить и убивать людей и что закона о том, чтобы бить и убивать братьев, никогда не было и не могло быть. Если бы он понял, что есть только один вечный закон, который он всегда знал и не мог не знать – закон, требующий любви и жалости к людям, а что то, что он называет теперь законом, был дерзкий, безбожный обман, которому он не должен был поддаваться. Страшно подумать о том, что представлялось бы ему в его бессонные ночи на печке и каково было бы его отчаяние, если бы он понял это. Мучения его были бы ужасны. Так зачем же и мучать его? Зачем мучать совесть умирающего старика? Лучше успокоить ее. Зачем раздражать народ, вспоминать то, что уже прошло? Прошло? Что прошло? Разве может пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лечить, но то, что боимся назвать и по имени. Разве может пройти жестокая болезнь только от того, что мы говорим, что прошло. Оно и не проходит и не пройдет никогда, и не может пройти, пока мы не признаем себя больными. Для того чтобы излечить болезнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не делаем. Не только не делаем, но все усилия наши употребляем на то, чтобы не видеть, не называть ее. Болезнь и не проходит, а только видоизменяется, въедается глубже в плоть, в кровь, в кости, в мозг костей. Болезнь в том, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, с вложенной в их сердце любовью, жалостью к людям, совершают – люди над людьми – ужасающие жестокости, сами не зная, зачем и для чего. Наши русские люди, кроткие, добрые, все проникнутые духом учения Христа, люди, кающиеся в душе о том, что словом оскорбляли людей, что не поделились последним с нищим и не пожалели заключенных, эти люди проводят лучшую пору жизни в убийстве и мучительстве своих братьев и не только не каются в этих делах, но считают эти дела или доблестью, или, по крайней мере необходимостью, такую же неизбежную, как пища или дыхание. Разве это не ужасная болезнь? И разве не лежит на обязанности каждого делать все, что он может для исцеления ее, и первое, главное, указать на нее, признать ее, назвать ее ее именем. Солдат старый провел всю свою жизнь в мучительстве и убийстве других людей. Мы говорим: зачем поминать? Солдат не считает себя виноватым, и те страшные дела: палки, сквозь строй и другие – прошли уже; зачем поминать старое? Теперь уж этого нет больше. Был Николай Палкин. Зачем это вспоминать? Только старый солдат перед смертью помянул. Зачем раздражать народ? Так же говорили при Николае про Александра. То же говорили при Александре про павловские дела. Так же говорили при Павле про Екатерину. Так же при Екатерине про Петра и т.п. Зачем поминать? Как зачем поминать? Если у меня была лихая болезнь или опасная и я излечился или избавился от нее, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею и все так же болею, еще хуже, и мне хочется обмануть себя. И мы не поминаем только оттого, что мы знаем, что мы больны все так же, и нам хочется обмануть себя. Зачем огорчать старика и раздражать народ? Палки и сквозь строй – все это уж прошло. Прошло? Изменило форму, но не прошло. Во всякое прошедшее время было то, что люди последующего времени вспоминают не только с ужасом, но с недоумением: правежи, сжигания за ереси, пытки, военные поселения, палки и гонения сквозь строй. Мы вспоминаем все это и не только ужасаемся перед жестокостью людей, но не можем себе представить душевного состояния тех людей, которые это делали. Что было в душе того человека, который вставал с постели,

Николай Палкин. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

умывшись, одевшись в боярскую одежду, помолившись Богу, шел в застенок выворачивать суставы и бить кнутом стариков, женщин и проводил за этим занятием, как теперешние чиновники в сенате, свои обычные пять часов и ворочался в семью и спокойно садился за обед, а потом читал Священное писание? Что было в душе тех полковых и ротных командиров: я знал одного такого, который накануне с красавицей дочерью танцевал мазурку на бале и уезжал раньше, чтобы назавтра рано утром распорядиться прогонянием насмерть сквозь строй бежавшего солдата татарина, засекал этого солдата до смерти и и возвращался обедать в семью. Ведь все это было и при Петре, и при Екатерине, и при Александре, и при Николае. Не было времени, в которое не было бы тех страшных дел, которые мы, читая их, не можем понять. Не можем понять того, как могли люди не видеть тех ужасов, которые они делали, не видеть, если уже не зверства бесчеловечности тех ужасов, то бессмысленность их. Во все времена это было. Неужели наше время такое особенное, счастливое, что в наше время нет таких ужасов, нет таких поступков, которые будут казаться столь же непонятными нашим потомкам? Нам ясно теперь не только жестокость, но бессмысленность сжигания еретиков и пыток судейских для узнания истины. Ребенок видит бессмысленность этого; но люди того времени не видели этого. Умные, учёные люди утверждали, что пытки – необходимое условие жизни людей, что это тяжело, но без этого нельзя. То же с палками, с рабством. И пришло время, и нам трудно представить себе то состояние умов, при котором возможно было такое грубое заблуждение. Где наши пытки, наше рабство, наши палки? Нам кажется, что их нет, что это было прежде, но теперь прошло. Нам кажется это оттого, что мы не хотим понять старого и старательно закрываем на него глаза. Если мы прямо поглядим на прошедшее, нам откроется и наше настоящее. Если мы только перестанем слепить себе глаза выдуманными государственными пользами и благами и посмотрим на то, что одно важно: добро и зло жизни людей, нам все станет ясно. Если мы назовем настоящими именами костры, пытки, плахи, клейма, рекрутские наборы, то мы найдем и настоящее имя для тюрем, острогов, войск с общею воинскою повинностью, прокуроров, жандармов. Если мы не будем говорить: зачем поминать? и не будем заслонять дел людских прошедшего воображаемыми пользами для различных фикций, мы поймем то, что делалось прежде, поймем и то, что делается теперь. Если нам ясно, что нелепо и жестоко рубить головы на плахе и узнавать истину от людей посредством выворачивания их костей, то так же ясно станет и то, что так же, если не еще более, нелепо и жестоко вешать людей или сажать в одиночное заключение, равное или худшее смерти, и узнавать истину через наемных адвокатов и прокуроров. Если нам ясно станет, что нелепо и жестоко убивать заблудшего человека, то так же ясно станет и то, что еще нелепее сажать такого человека в острог, чтоб совсем развратить его; если ясно станет, что нелепо и жестоко ловить мужиков в солдаты и клеймить, как скотину, то так же нелепо и жестоко забирать всякого 21-летнего человека в солдаты. Если ясно станет, как нелепа и жестока причина, то еще яснее будет нелепость и жестокость гвардий и охраны. Если мы только перестанем закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачем поминать старое, нам ясно станет, в чем наши точно такие же ужасы, только в новых формах. Мы говорим: все это прошло. Прошло, теперь уж нет пыток, блудниц Екатерин с их самовластными любовниками, нет рабства, нет забивания насмерть палками и др. Но ведь только так кажется. Триста тысяч человек в острогах и арестантских ротах сидят, запертые в тесные, вонючие помещения, и умирают медленной телесной и нравственной смертью. Жены и дети их брошены без пропитания, а этих людей держат в вертепе разврата – острогах и арестантских ротах, и только смотрители, полновластные хозяева этих рабов, суть те люди, которым на что-нибудь нужно это жестокое бессмысленное заключение. Десятки тысяч людей с вредными идеями в ссылках разносят эти идеи в дальние углы России и сходят с ума и вешаются. Тысячи сидят по крепостям или убиваются тайно начальниками тюрем, или сводятся с ума одиночными заключениями. Миллионы народа гибнут физически и нравственно в рабстве у фабрикантов. Сотни тысяч людей каждую осень отбираются от семей, от молодых жен, приучаются к убийству и систематически развращаются. Царь русский не может выехать никуда без того, чтобы вокруг него не была цепь явная сотен тысяч солдат, на 50 шагов друг от друга расставленная по дороге, и тайная цепь, следящая за ним повсюду. Король собирает подати и строит башни, и на башне делает пруд, и в пруду, выкрашенном синей краской, и машинами, представляющими бурю, катается на лодке. А народ мрет на фабриках: и в Ирландии, и во Франции, и в Бельгии. Не нужно иметь особой проницательности, чтобы видеть, что в наше время все то же что наше время полно теми же ужасами, теми же пытками, которые для следующих поколений будут так же удивительны по своей жестокости и нелепости. Болезнь все та же, и болезнь не столько тех, которые пользуются этими ужасами, сколько тех, которые приводят их в исполнение. Пускай бы Петры, Екатерины, Палкины, Баварские короли пользовались в 100, в 1000 раз более. Пускай бы устраивали башни, театры, балы, обирали бы

Николай Палкин. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
народ. Пускай Палкин засекал бы народ, пускай теперешние злодеи вешали бы сотнями тайком в крепостях, только бы они это делали сами, только бы они не развращали народ, не обманывали его, заставляя его участвовать в этом, как старого солдата. Ужасная болезнь эта, болезнь обмана о том, что для человека может быть какой-нибудь закон выше закона любви и жалости к ближним и что потому он никогда не может ни по чьему требованию делать очевидное несомненное зло своим братьям, убивая, засекая, вешая их, сажая в тюрьмы, забирая их в солдаты, отбирая от них подати. 1880 лет тому назад на вопрос фарисеев о том, позволительно давать подать кесарю или нет, сказано: отдавайте кесарево кесарю, а божье Богу. Если бы была у людей в наше время хоть слабая вера в учение Христа, то они считали бы должным Богу хоть то, чему не только словами учил Бог человека, сказав: "не убий"; сказав: "не делай другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали"; сказав: "люби ближнего, как самого себя", - но то, что Бог неизгладимыми чертами написал в сердце каждого человека: любовь к ближнему, жалость к нему, ужас перед убийством и мучительством братьев. Если бы люди верили Богу, то они не могли бы не признавать этой первой обязанности к нему, исполнять то, что он написал в их сердце, то есть жалеть, любить, не убивать, не мучать своих братьев. И тогда слова: кесарево кесарю, а божье Богу имели бы для них значение. Царю или кому еще все, что хочешь, но только не божие. Нужны кесарю мои деньги - бери; мой дом, мои труды - бери. Мою жену, моих детей, мою жизнь бери; все это не божие. Но нужно кесарю, чтоб я поднял и опустил прут на спину ближнего; нужно ему, чтоб я держал человека, пока его будут бить, чтобы я связал человека или с угрозой убийства, с оружием в руке стоял над человеком, когда ему делают зло, чтобы я запер дверь тюрьмы за человеком, чтобы я отнял у человека его корову, хлеб, чтобы я написал бумагу, по которой заперт человека или отнимут у него то, что ему дорого, - всего этого я не могу, потому что тут требуются поступки мои, а они-то и есть божие. Идти через строй, идти в тюрьму, на смерть, отдавать подати кесарю, - все это я могу, но бить в строю, сажать в тюрьму, водить на смерть, собирать подати - всего этого я не могу для кесаря, потому что тут кесарь требует от меня божие. Но мы дошли до того, что слова: "Богу божие" - для нас означают то, что Богу отдавать копеечные свечи, молебны, слова - вообще все, что никому, тем более Богу, не нужно, а все остальное, всю свою жизнь, всю святыню своей души, принадлежащую Богу, отдавать кесарю!

1886-1887 гг.

КОММЕНТАРИИ

Впервые: в 1891 г. в женеvском издании М.К.Элпидина. В 1899 г. В.Г.Чертков издал в Англии антимилитаристский сборник, куда кроме "Николая Палкина" вошли ещё рассказы: "Работник Емельян и пустой барабан" и "Дорого стоит". В России попытка напечатать статью была сделана в 1906 г.: в октябрьской книжке журнала "Всемирный вестник" и отдельными брошюрами, отпечатанными в том же году московской типографией Вильде и петербургским книгоиздательством "Обновление". Все эти издания были конфискованы. Первым русским изданием стала брошюра, выпущенная в Петрограде в 1917 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!